

Санкт-Петербургский государственный университет

Филологический факультет
Кафедра английской филологии и перевода

Оболдина Евгения Сергеевна

Реализация стратегии доместикации в переводе мужской речи с английского
языка на русский

Выпускная квалификационная работа

Науч.рук.
к.ф.н., доц. Е.С. Петрова

Санкт-Петербург

Содержание.

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ СТРАТЕГИИ ДОМСТИКАЦИИ И ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ	6
1.1. Перевод как посредничество при межкультурной коммуникации	6
1.2. Лингвокультурная и языковая адаптация текста	10
1.3. Понятие стратегии перевода.....	14
1.3.1. Концепция переводческого дуализма и смежные теории.....	15
1.3.2. Стратегия доместикиации в концепции переводческого дуализма.....	18
1.4. Гендерные аспекты перевода	20
1.4.1. Понятие «языковая личность»	20
1.4.2. Языковая личность и гендерные характеристики мужской речи в английском и русском языках.....	22
Выводы по главе 1	26
Глава II МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДОМСТИКАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МУЖСКОЙ РЕЧИ.....	28
2.1. Реализация стратегии доместикиации на грамматическом уровне	28
2.2. Реализация стратегии доместикиации на морфологическом уровне.....	33
2.3. Реализация стратегии доместикиации на лексическом уровне ..	39
2.3.1. Стратегия доместикиации в переводе безэквивалентной лексики	39
2.3.1.1. Стратегия доместикиации в переводе единиц измерения	40
2.3.1.2. Стратегия доместикиации в переводе имен собственных	41
2.3.1.3. Стратегия доместикиации в переводе фразеологических единиц	43
2.3.2. Стратегия доместикиации в переводе сниженной лексики	44
2.3.3. Стратегия доместикиации в переводе нейтральной лексики	48
2.4. Реализация стратегии доместикиации при переводе произведений о России	52
Выводы по главе 2.....	54

Заключение	56
Литература	58
Список источников языкового материала	63
Сокращения	64

Введение.

Перевод представляет собой один из видов языкового посредничества и является средством не только межъязыковой, но и межкультурной коммуникации. Существенные культурные и языковые различия ставят перед переводчиком непростую задачу культурной адаптации текста оригинала, которая предполагает выбор стратегии перевода, выбор между очуждением и культурным освоением, доместикацией и форенизацией. Вопрос выбора стратегии перевода был и остается актуальным как в теории и практике перевода, так и в смежных областях знания таких, как межкультурная коммуникация и философия языка, поскольку затрагивает проблемы взаимодействия языка и культуры, языка и мышления.

В качестве предмета исследования рассматривается стратегия доместикации, лингвокультурная адаптация иноязычного художественного текста, при переводе гендерно-маркированных единиц.

Объектом исследования являются языковые проявления стратегии доместикации в переводах художественных произведений английских авторов на русский язык.

Научная новизна определяется тем, что впервые проводится анализ проявления стратегии доместикации на разных уровнях языка: грамматическом, морфологическом, лексическом.

Цель работы — выявить на основе сопоставительного анализа оригинала и текстов перевода основные особенности проявления стратегии доместикации при переводе мужской речи.

Цель определила необходимость решения следующих задач:

- определить понятие стратегии перевода и рассмотреть стратегию доместикации;
- выявить основные критерии отбора материала;

- провести сопоставительный лексико-семантический и структурно-синтаксический анализы произведений английских авторов и их переводы на русский язык;

- доказать, что применение стратегии доместикации имеет градуальный характер;

Материалом исследования послужили 250 примеров, собранных методом сплошной выборки с 1500 страниц.

Цели и задачи исследования определили выбор используемых методов. Это метод сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода и метод обратного перевода языковых единиц текста перевода, послуживший диагностическим признаком для отбора высказываний с доместикацией.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных теоретиков, практиков и историков перевода: В.Н. Комиссарова, А.В. Федорова, Л.К. Латышева, А.Д. Швейцера, Н.Г. Валеевой, Ю.Н. Карауловой, L. Venuti, E. Nida и др.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что ее результаты открывают перспективу для дальнейшего исследования в смежных областях таких, как изучение противоположной стратегии — форенизации, а также исследований женской речи в этом направлении.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, литературы и списка источников языкового материала.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены на XX Открытой конференции студентов-филологов в СПбГУ.

Глава I. Теоретическое освещение стратегии доместикации и гендерного

фактора в современном переводе

1.1. Перевод как посредничество при межкультурной коммуникации

Процесс межкультурной коммуникации представляет собой «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» (Верещагин 1990: 26). В условиях межкультурной коммуникации общение языковых личностей обычно осуществляется в столь значительно культурно обусловленных условиях различий в коммуникативной компетенции его участников, что эти различия существенно влияют на удачу и неудачу коммуникативного акта. По мнению многих исследователей, основные функции межкультурной коммуникации — обеспечение межкультурного обмена материальными и идеальными ценностями, а также кооперации между представителями различных народов при решении тех или иных задач локального и глобального уровней. Эффективность коммуникации, прежде всего, зависит от общего фонда знаний коммуникантов, который включает в себя совокупность концептуальных структур различных уровней: лингвистического, ментального, культурного. Центром такого фонда знаний является национальный язык, а перевод как вид посредничества таким образом выступает средством не только межъязыковой, но и межкультурной коммуникации: «постигая чужой язык, человек усваивает новый мир и его культуру» (Савушкина 2013: 3).

Понятие перевода как посредничества при межкультурной коммуникации проявляется в понимании языка как элемента культуры, а культуры — как соединения материальных и духовных ценностей общества, включающих в себя исторические, социальные и психологические особенности каждого народа, который представляет собой самостоятельную форму этнических общностей. Исходя из этого язык понимается как единое социально-культурное явление, отражающее особенности этноса как

носителя определенной культуры, выделяющей и отличающей его среди других культур. В процессе перевода происходит взаимодействие не только двух семантических языковых, но и представителей двух лингвокультурных общностей, обладающих разным мировосприятием и «определенным фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, речевым этикетом, морально-эстетическими нормами и многим» (Томахин 1997: 130).

Особую роль в изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры играют работы В.фон Гумбольдта, который заложил основы философской антропологии. Он соединил воедино мышление, язык и культуру. По его мнению, язык занимает промежуточное место между человеком и объективным миром, он определяет отношение человека к окружающим предметам, так как его понимание действительности зависит от языковых представлений. Таким образом, концепция В.Гумбольдта о связи языка и мышления находит сходство с вопросом взаимодействия языка и культуры. Также на основе своих исследований он приходит к выводу, что разные языки — это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее, языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Основные положения теории В.фон Гумбольдта сводятся к следующим: а) материальная и духовная культура воплощается в языке; б) всякая культура национальна, её характер выражен в языке посредством особого видения мира; в) языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма; г) внутренняя форма языка — это «объединенная духовная энергия народа», отражение его культуры (Гумбольдт 1985: 348).

Схожей точки зрения придерживался К. Леви-Стросс, который рассматривал язык как продукт культуры, ее часть и условие, причем условие культуры с двух позиций: диахронически, поскольку именно с помощью языка индивид обретает культуру своей группы, и с более теоретической, в которой язык также представляет собой условие культуры в той мере, в какой эта последняя обладает строением, подобным строению языка. Таким

образом, язык можно рассматривать как фундамент, предназначенный для установления на его основе структур, иногда и более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре, рассматриваемой в ее различных аспектах (К. Леви-Стросс 2004: 74).

Этнокультурная специфика зачастую приводит не столько к взаимодействию "говорящих сознаний" (термин М.М. Бахтина), сколько к "столкновению" картин мира коммуникантов. Под картиной мира мы вслед за О.А. Корниловым понимаем тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в "матрицах" языка, обслуживающего данный вид сознания. Как уже упоминалось ранее, язык — национальный культурный код того или иного народа, важнейшая и неотъемлемая часть любой национальной культуры, полноценное понимание которой обязательно предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, не только знание ее различных детерминант: исторической, географической, экономической, но и попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры. Помимо самой картины мира, исследователи также различают так называемую языковую картину миру, которая представляет собой вербализованную систему "матриц", в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер, другими словами, языковая картина мира — результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества. В то же время конкретные внешние условия существования отдельного этноса (географические, физиолого-антропологические особенности, культурно-бытовые традиции и др.) формируют специфические качества и совокупности представлений, определяющие основу языковой картины мира (Корнилов 2003).

По мнению исследователя Н.Г.Валеевой, языки отражают

действительность по-разному, асимметрично. Асимметрия проявляется наиболее отчетливо, когда в переводе языки оказываются в контакте и когда при описании какого-либо фрагмента действительности значения одного языка с необходимостью определяются через значения другого.

Можно обнаружить, что языки по-разному делят действительность, различно описывают одни и те же явления и предметы, акцентируя разные их признаки. Так, в семантике слова отражено видение мира носителя конкретного языка. Каждый язык имеет уникальное единое и непрерывное семантическое пространство, а понять и оценить специфику фрагмента языка можно только на фоне и в контексте всего семантического пространства. В основе номинации лежат определенные признаки, которые могут сильно отличаться в различных языках. Речь здесь идет не только о том, что в одной этнической культуре могут отсутствовать некоторые элементы, имеющиеся в другой культуре, но и о том, что отношение к тем или иным объектам, существующим в общечеловеческой культуре, может быть различным. Эти объекты могут вызывать разные ассоциации, то есть по-разному соотноситься с культурным опытом народа. В языковой картине мира выделяется целый пласт слов, словосочетаний, высказываний эмоционально-образного отображения действительности, имеющий коннотации (эмоциональную, оценочную, стилистическую окраску), мотивированность которых обусловлена национально-культурным контекстом. Переводчик воспринимает иноязычную текстовую деятельность с позиции лингвокультуры иноязычного социума, затем переходит на родной языковой и социокультурный коды. Особенность переводческого билингвизма состоит в том, что переводческий билингвизм имеет, как правило, асимметричный характер. У большинства переводчиков художественной литературы доминирует один язык и одна культура, усвоенная вместе с этим языком. Этот язык и эта культура подчиняют себе другие, с которыми переводчику приходится сталкиваться в переводе. Во-первых, через призму доминирующего языка и доминирующей культуры

понимаются смыслы, заключенные в речевых произведениях на другом языке, воспринимаются факты другой культуры. Во-вторых, в процессе перевода оба языка присутствуют в акте речи и функционируют одновременно. И переводчику постоянно приходится преодолевать влияние языков и культур (Валеева 2006: 241).

Таким образом, перевод иноязычного текста представляет собой акт межкультурной коммуникации, обусловленный спецификой картины мира переводчика и направленный на расшифровывание значений единиц, входящих в состав данного текста, с последующим перекодированием их в единицы текста перевода.

1.2. Лингвокультурная и языковая адаптация текста

В современном переводоведении термин "адаптация" используется преимущественно в двух значениях: для определения конкретного переводческого приема, который заключается в замене неизвестного известным, непривычного привычным, и для обозначения способа достижения равенства коммуникативного эффекта в исходном тексте (ИТ) и переводном тексте (ПТ). Если совместить эти два значения, то адаптацию можно рассматривать как приспособление ИТ, как фрагмента отображения объективной и общественной действительности, при помощи определенных процедур к предельно адекватному, вполне соответствующему, совпадающему, тождественному его восприятию реципиентом иной культуры, к социокультурным условиям общественной действительности реципиента переводчика (Фененко 2001: 70). Другими словами, согласно определению В. Н. Комиссарова, адаптация представляет собой «особую репрезентацию содержания оригинала на переводящий язык, изложенную в иной форме, определяемой не организацией информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации» (Комиссаров 1990: 48). Такая адаптация, получившая название социокультурной, предопределяет

стратегию преобразования высказывания, направленную на достижение при переводе комплексной эквивалентности ИТ и ПТ).

Результат деятельности переводчика — переводное высказывание, обладающее особыми свойствами прагматики: смысловой идентичностью (раскрывает тот же смысл, что и исходное высказывание); структурно-содержательной эквивалентностью (передает особенности речевого мышления автора оригинала); лингвокультурной адекватностью (доступно для понимания получателю перевода) (Гусаров 2013: 9). В ходе достижения комплексной эквивалентности ИТ и ПТ переводчик сталкивается с трудностями преодоления разного рода барьеров, и не всегда реципиенту удаётся исключить моменты «культурологического непонимания». Говоря о барьерах, исследователи, прежде всего, подразумевают лингвоэтнический (или лингвокультурный) барьер, который, по мнению Л.К. Латышева складывается из целого ряда разнообразных факторов: расхождение языковых систем (совокупность всех реальных и абстрактных возможностей функционирования языка); расхождение языковых норм (совокупность аналогичных реальных возможностей); расхождение речевых норм или узусов (совокупность тематико-ситуативных правил употребления языка); расхождение преинформационных запасов носителей исходного языка(ИЯ) и носителей переводящего языка(ПЯ), то есть запасов экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текстов. Составить представление о специфике отдельных факторов лингвоэтнического барьера удобнее всего, представив перевод как цепочку последовательных действий, направленных на последовательное преодоление факторов лингвоэтнического барьера, и ряд соответствующих промежуточных результатов (состояний создаваемого текста), завершающихся конечным результатом (Латышев 1988: 36).

Обобщая все эти факторы, можно говорить о том, что к лингвоэтническому барьеру относится все то, что не позволяет носителю ПЯ непосредственно воспринять текст на ИЯ и отреагировать на него так же, как

если бы он был носителем ИЯ. Таким образом, лингвоэтнический барьер определяет, какие преобразования воспроизводимого материала необходимы для того, чтобы обеспечить коммуникативно-функциональную эквивалентность ИТ и ПТ. Именно под этими преобразованиями или модификациями мы и понимаем процесс адаптации текста при переводе.

Различают два вида адаптации текста: лингвокультурную и языковую. Под лингвокультурной адаптацией мы вслед за Е.В.Шелестюк понимаем процесс, при котором происходит перенос глубинных структур предложения, под языковой — перенос поверхностных структур. Глубинная структура предложения — это, прежде всего, совокупность выражаемых в нем семантических или смысловых отношений: имплицитные семантические компоненты высказывания, побочные смыслы и весь совокупный образно-ассоциативный комплекс, который имеется у носителя той или иной лингвокультуры при создании или восприятии высказывания, а его поверхностная структура — это та его конкретная форма, которую предложение приобретает в речи, в процессе коммуникации: слова и грамматические структуры, символы и образы, которые выбираются для репрезентации мысли (Шелестюк 2013: 39).

Стоит отметить, что процесс лингвокультурной адаптации текста перевода — это когнитивный процесс и, с точки зрения В.А.Зайцевой, включает в себя несколько этапов: 1) процесс восприятия и понимания иноязычного текста и входящих в его состав культурно-маркированных компонентов лексики, который подразумевает анализ безэквивалентных единиц перевода с использованием толковых русско-язычных и англоязычных словарей для выявления степени сходства или расхождения семантики фрагментов ИТ и ПТ; 2) выбор соответствующей стратегии и методов перевода, находящих отражение в конкретных переводческих решениях. В процессе лингвокультурной адаптации ПТ переводчик сталкивается с рядом трудностей. Одна из них связана с правильным восприятием и пониманием иностранной речи, которое зависит от наличия у

переводчика фоновых и языковых знаний. Другой вид трудности лингвокультурной адаптации – перевод фразеологизмов и культурно-маркированных слов, таких как реалии, пословицы, поговорки и идиомы, которые невозможно перевести дословно, поскольку это неизбежно приведет к потере их смыслового значения. Основная сложность перевода данного культурно-маркированного пласта лексики состоит в том, что сначала слова и фразеологизмы воспринимаются с позиции лингвокультуры ИЯ, а затем воспроизводятся с помощью средств другого языка и, по мере возможности, коррелируются с национальным колоритом, который соответствует восприятию представителей другой культуры. При этом не исключаются определенные потери в процессе перевода национально-культурных понятий. Проблема в данном случае заключается в отсутствии точного переводческого эквивалента, в наличие так называемых лакун, когда семантическое наполнение культурно-маркированных слов и фразеологизмов ИЯ и ПЯ неравноценно, здесь перед переводчиком встает задача найти такой эквивалент, и он прибегает к различным переводческим трансформациям, включающим описательный перевод, функциональный аналог и калькирование (Зайцева 2014: 78).

Таким образом, перевод как акт межкультурной коммуникации является не просто манипуляцией с текстом оригинала, не заменой одного текста другим, а критическим осмыслением текстовой информации оригинального текста, и предполагает поиск путей решения переводческих проблем, причиной которых служат грамматические и лексические различия языков и культур, на основе анализа и синтеза, умений выделять в текстовой информации главное, делать выводы и давать собственную оценку. Существенные культурные и языковые различия позволяют увидеть, в каких случаях выбор языкового выражения определяется не столько объективными свойствами обозначаемой ими внеязыковой действительности, сколько рамками внутриязыковой конвенции.

1.3. Понятие стратегии перевода

Понятие "стратегия перевода" не является новым для теории переводоведения. Тем не менее, в исследованиях, посвященных переводческим проблемам, данный термин не использовался, а употреблялся термин "действия переводчика" в значении "языковая деятельность". Смысл понятия "действия переводчика" заключался в использовании переводчиком отдельных приемов перевода, таких, как субституция, заимствование, парафраза и др. Определение понятия "стратегия перевода" отсутствует в "Толковом переводоведческом словаре" Л. Л. Нелюбина, самом полном на сегодняшний день специальном переводоведческом справочном пособии.

По мнению В.Н. Комиссарова, «в основе переводческой стратегии лежит ряд принципиальных установок, из которых сознательно или бессознательно исходит переводчик» (Комиссаров 1990: 195). Современный исследователь О.А. Бурукина предлагает рассматривать переводческую стратегию как «общий план действий переводчика, направленный на перевод конкретного текста, обусловленный конкретной целью перевода, разработанный с учетом лингвистических и экстралингвистических характеристик конкретной переводческой ситуации» (Цит. по: Войнич 2010: 8).

Определенная стратегия переводчика и технические приемы, используемые им в процессе перевода, во многом зависят от соотношения ИЯ и ПЯ и вида решаемой переводческой задачи. Выбор "эффективной" стратегии перевода обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. К числу первых относятся тип текста и тип коммуникации. Второй вид факторов включает профессиональную компетенцию переводчика, подразумевающую помимо владения иностранным языком умение интерпретировать и понимать исходный текст (Володина 2015).

Таким образом, стратегией перевода можно назвать «общий план действий переводчика», определяемый совокупностью его принципиальных

установок, направленных на достижение целей, которые сознательно или бессознательно ставит перед собой переводчик.

1.3.1. Концепция переводческого дуализма и смежные теории

В теории перевода исследователи определяют переводческий дуализм в виде оппозиции «буквальный перевод — вольный перевод». По формулировке Л.Л. Нелюбина, вольный перевод — «перевод-переложение, уяснение общего содержания, его передача на другом языке вне зависимости от языковой формы оригинала, т.е. следование содержанию». В свою очередь перевод буквальный — «буквальное копирование, передающее эквивалентность лишь на уровне языковых знаков, не учитывая информацию, передаваемую на иных уровнях содержания» и близок дословному переводу, при котором «наблюдается следование языковой форме оригинала, т.е. семантико-структурные характеристики языка подлинника воспроизводятся на языке подлинника» (Нелюбин 2006: 27, 33).

В XVIII–XIX вв. немецкие мыслители впервые стали рассматривать понятия очуждения и культурного освоения как два противоположных полюса при переводе. И.-В. Гете сформулировал два принципа перевода: один из них требует «переселения иностранного автора к читателям», так, чтобы они могли увидеть в нем соотечественника; другой требует, чтобы «читатели перевода отправились к этому чужеземцу» и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям (Федоров 2002: 35). Также немаловажную роль в определении расхождения между двумя способами адаптации иноязычного текста сыграл Ф. Шлейермахер, который в своих работах говорит о том, что «переводчик либо оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя и тогда идти навстречу приходится писателю». Другими словами, перевод должен осуществляться либо так, как написал бы сам автор иноязычного текста, либо так, как написал бы сам переводчик. В своей

работе «О различных методах перевода» он настаивал на необходимости «очуждения» при переводе, позволяющего опознать в тексте перевода чужое и дать читателю почувствовать данную чуждость. Ф. Шлейермахер утверждал, что переводы с разных языков на немецкий должны звучать и восприниматься по-разному. Он считал, что если бы переводы со всех языков выглядели и звучали одинаково, своеобразие текста оригинала было бы утеряно в культуре языка перевода (Шлейермахер 1813: 139).

В современном переводоведении переводческий дуализм проявляется в оппозиции двух основных переводческих стратегий — фореизации и доместикации, в зависимости от того, стремится ли переводчик сохранить лингвистические и культурные отличия оригинального текста или пытается сделать его более доступным и понятным в принимающей культуре. Впервые термины доместикации и фореизации использовал в своих работах Л. Венути. Ещё один американский исследователь Юджин Найда выделял два типа эквивалентов, на которых основывается переводчик при выборе стратегии: формальные и динамические (функциональные). Главный предмет внимания формальной эквивалентности – само сообщение, его форма и содержание, что подразумевает проникновение в лексическую, грамматическую и синтаксическую структуру оригинального текста. Функциональная эквивалентность, напротив, основана на принципе эквивалентного эффекта, который гласит, что отношение иностранного читателя к тексту должно быть максимально приближено к отношению читателя и текста оригинала (слова имеют значения лишь в рамках той культуры, в которой они используются). В узком смысле функциональная эквивалентность означает то, что читатели переведенного текста должны воспринимать его настолько глубоко, что они могут представить, какой эффект этот текст может произвести на читателей оригинала. В широком смысле - читатели переведенного текста должны, по мнению исследователя, воспринимать текст так же, как его воспринимают читатели оригинала. Ю. Найда отмечает, что данный вид перевода позволяет избежать возможного

недопонимания со стороны реципиентов и дать ясное представление о представленных в оригинальном тексте понятиях (Nida 1995: 118).

До XX в. бытовала традиция стилизации переводного текста к родной культуре, стремление добиться такого его звучания, как если бы он был создан в принимающей лингвокультуре, в советское же время основным правилом стало переводить с максимальной точностью, сохранением «инокультурного» колорита и одновременно с русскоязычной лингвокультурной стилизацией.

В XXI в. использование компенсации и адаптации как переводческих приемов сократилось, но заметно увеличился процент калькирования, транскрибирования, транслитерации, т. е. тенденция форенизации англо-русского перевода возобладала над доместикацией. Эта тенденция отражает общемировое доминирование английского языка, растущее сближение англоязычных оригиналов и их переводов на иностранные языки, унификацию (вестернизацию) языков и культур (Шелестюк 2013: 43).

Наличие оппозиции и трудности выбора между двумя стратегиями привели к появлению концепции «золотой середины». Дж. Драйден предлагает различать три вида перевода: «метафраз» (точная передача оригинала, слово за словом, или буквальным перевод), «парафраз» (вольная передача оригинала, ориентированная на его дух, а не на форму) и «имитация» (подражание или вариация на тему оригинала, когда переводчик фактически перестает быть переводчиком). По его мнению, самым правильным для переводчика является средний путь между метафразой и парафразом, он также формулирует правила, с помощью которых переводчик может достичь «золотой середины». В соответствии с этими правилами переводчик должен, в частности, сохранять смысл оригинала, заставить автора говорить так, как говорит современный англичанин, не следовать слишком близко букве оригинала, чтобы не утратить его дух, сохранять привлекательность оригинала без ущерба его смыслу (Комиссаров 1999: 11).

В теории перевода поиски «золотой середины» ведут к возникновению

новой терминологии. Возникают понятия адекватного, реалистического, полноценного, целостного, верного перевода, а также понятие художественной точности. Понятие адекватности вводит А.А. Смирнов, он рассматривает адекватный перевод как «такой перевод, в котором переданы все намерения автора [...] в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности [...] всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.». Непереданные элементы, по его словам, могут быть «доведены до минимума» и проблему адекватного перевода в целом можно считать вполне разрешимой (Цит. по: Войнич 2010: 42).

Также относительно недавно в переводоведении появилась теория скопоса, допускающая практически неограниченную адаптацию оригинала, которую впервые предложил Ганс Вермеер. Согласно теории скопоса основное правило для любого переводческого действия - "правило скопоса". Данное правило решает проблему таких противоположностей, как свободный и дословный перевод, доместикация и форенизация и т. д. Это значит, что скопос (цель) конкретного перевода может потребовать использования как доместикации или форенизации, так и любой стратегии, лежащей между этими двумя крайностями, выбор зависит от конкретной задачи переводчика. Теория скопоса подразумевает создание текста в целевых условиях, с целевой задачей и для целевой аудитории. Однако это не означает, что хороший перевод должен в любом случае подстраиваться под культуру языка перевода или же отдаляться от нее, хотя именно в таком ключе теория часто понимается (Nord 2001: 29).

1.3.2. Стратегия доместикации в концепции переводческого дуализма

Впервые термины доместикация и форенизации ввел в своих работах Лоуренс Венути. Он рассматривает перевод как «движущую силу аккультурации» и вкладывает в понятия доместикации и форенизации, прежде

всего, этическую оценку по отношению к иноязычному тексту и культуре ПЯ. Согласно Л. Венути доместикация — это этноцентрический подход, при котором текст оригинала зачастую редуцируется и изменяется в угоду лингвокультуре перевода, ПТ ориентируется на доминантные ценности принимающей культуры, а автор приближается к читателю (Venuti 1995: 20). В широком смысле, доместикация предполагает «прозрачный», легкий для понимания и восприятия стиль, благодаря которому читатель воспринимает иностранный текст как родной. Благодаря данной стратегии переводчик добивается эффекта сглаженности, устраняются отличительные черты иностранного текста, при этом переводчик становится «невидимым», попросту опускает понятия и явления, требующие дополнительного объяснения, или же заменяя их сходными явлениями культуры языка перевода.

Иными словами, это «способ репрезентации чужого и непонятого текста в понятных терминах принимающей культуры». Метод доместикации стремится передать смысл «в ущерб» форме, что ведет к потере авторского «я», созданию принципиально нового текста, не соответствующего оригиналу (Там же: 49).

Сам Л.Венути выступает сторонником стратегии форенизации, подчеркивая, что доместикация не является автоматическим продуктом определенного времени, места или ситуации, может выступать следствием политического давления, цензуры, различных нравственных ценностей, а также зависеть от потенциального адресата перевода, в частности, она нередко имеет место в переводах для детей и национальных меньшинств. Кроме того, «в пользу выбора доместикации зачастую выступают также экономические факторы: большая читабельность подобных переводных текстов способствует их коммерческому успеху на издательском рынке» (Там же: 165).

1.4. Гендерные аспекты перевода

1.4.1. Понятие «языковая личность»

Одним из характерных направлений современного этапа развития языкознания является разработка проблемы человеческого фактора в речевой деятельности. Обращение лингвистов к антропоцентризму обусловлено признанием ведущей роли человека в процессах порождения и использования речи. На первый план выдвигается языковая личность. Интерес к феномену языковой личности в отечественной лингвистике был связан первоначально с изучением литературно-художественного дискурса — характеристикой авторских идиостилей и речевой характеристикой персонажа как типа личности. Другим направлением стало рассмотрение «человека говорящего» в плане сформированности его языковой компетенции, проявляемой в разных видах речевой деятельности. Из этого следует, что приоритетность в филологических исследованиях видится в анализе личностного начала в языке и продуцированных ею различного вида текстах (Кыштымова 2014: 238).

В широкий научный обиход понятие «языковая личность» ввел Ю.Н. Караулов. Согласно его определению, языковая личность — это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью». В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых текстов. Ю. Н. Караулов также разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст, по его мнению, языковая личность, имеет три структурных уровня: 1) вербально-семантический, отражающий степень владения обыденным языком; 2) когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму

(языковой личности) и создающих коллективное и индивидуальное когнитивное пространство; 3) прагматический, который предполагает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности. Исходя из взаимодействия всех трёх уровней происходит кодирование и декодирование информации (Караулов 1989: 3).

В.А. Маслова в содержание языковой личности обычно включаются такие компоненты:

1) ценностный или мировоззренческий компонент содержания воспитания — система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обуславливает первоначальный и глубинный взгляд на мир, обеспечивает тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;

2) культурологический компонент — уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент — то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке (Маслова 2010: 119).

Таким образом, языковая личность — социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов. Однако при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей — из индивидуальных языковых особенностей.

1.4.2. Языковая личность и гендерные характеристики мужской речи в английском и русском языках

Все чаще в лингвистических работах языковые явления рассматриваются в тесной связи с гендерным фактором. Понятие гендер было перенесено в исследовательское поле других наук. Термин гендер признается большинством исследователей как термин, который подчеркивает социокультурную причину межполовых отношений, а не природную. Исследуя гендерную специфику, следует говорить не только о том, как «пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка», но и о том, «какими способами располагает язык для конструирования гендерной идентичности» (Бурукина 2000: 100). Объектом гендерных исследований на современном этапе являются различия между полами, получившие название «фемининности» и «маскулинности», поддерживаемые общественными институтами и возводимые ими в статус нормы. «В любом обществе существуют социальные ожидания, обусловленные гендером и возникающие в соответствии с конкретными социально-культурными условиями» (Вахрамеева 2009: 59).

Гендерология обращается к структурам языка, признавая их значимую роль в механизмах культурной репрезентации пола. Гендерные исследования в языкознании охватывают очень широкий круг вопросов, рассматривая формирование мужской или женской идентичности как один из факторов говорящей личности (Кирилина 2005: 23).

Объектом анализа языкознания становится языковая личность. Её интеллектуальные характеристики и внутренний мир выдвигаются на первый план. По мнению многих лингвистов, интеллект, культурные ценности, социальные положения и многое другое наиболее интенсивно проявляются в языке. Язык способен не только отображать культурно-национальную принадлежность его носителей, но и создавать вербальные иллюзии, которые играют большую роль в образовании социальных стереотипов. В умы людей

внедряются словесные штампы, которые оказывают воздействие на наше восприятие и выражение действительности. Под влиянием социокультурных факторов у мужчин и женщин вырабатываются разные мотивы поведения, стратегии и тактики общения. Человек выстраивает свое поведение в обществе и свою речь согласно имеющемуся у него гендерному статусу, следование которому во многом определяется культурой родного языка. В отличие от понятия «пол», которое подразумевает только анатомические и биологические особенности людей, гендер является многообразным социокультурным явлением: социальный пол, совокупность стереотипов и моделей поведения, предложенных обществом для представителей обоих полов. Гендерное сознание каждого индивида поддерживает социальную структуру, основанную на признаке пола. Индивиды выбирают те действия, которые связаны с их гендерным статусом, и выполнение которых ожидается от них обществом (Куликова 2011: 84).

В переводоведении понятие гендерной идентичности применяют в равной степени к автору оригинала и переводчику, перед которым стоит задача воссоздания гендерно корректного варианта перевода. Переводчик не является исключением из правила, и также подвергается влиянию гендерного фактора. Гендерная стереотипизация, фиксируемая в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения. В той или иной степени стереотипы-предрассудки воздействуют на каждого человека, и это воздействие явно или скрытно проявляется в языке (Там же: 85).

В.П.Белянин в своей книге «Психолингвистика» выявил особенности употребления языка мужчинами и женщинами. По его мнению мужские и женские особенности речевого стиля проявляются на двух уровнях: речевого поведения и речи. В.П. Белянин также полагает, что женская речь содержит большую концентрацию эмоционально-оценочной лексики, а мужская оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. Женщины в своих просьбах обращаются вежливее, они склонны к интенсификации

положительной оценки. Мужчины более выражено используют отрицательную оценку, включая стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы; они гораздо чаще употребляют сленговые слова и выражения, а также нелитературную и ненормативную лексику. Употребляя предложения в повелительном значении, мужчины используют такую форму выражения, как приказ, тогда как женщины высказывают своё желание как возможность, предлагая поступить необходимым им образом (Белянин 2004: 201).

А. Кириллина и М. Томская в своей статье «Лингвистические гендерные исследования» дали отличительные характеристики мужской письменной речи: использование армейского и тюремного жаргона; частое употребление вводных слов, особенно имеющих значение констатации (очевидно, несомненно, конечно); употребление большого количества абстрактных существительных; употребление при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления слов с наименьшей эмоциональной индексацией; однообразие лексических приемов при передаче эмоций; сочетания официально и эмоционально маркированной лексики при обращении к родным и близким людям; использование газетно-публицистических клише; употребление нецензурных слов как вводных и однообразие используемых нецензурных слов, а также преобладание нецензурных инвектив и конструкций, обозначающих действия и процессы, а также преобладание глаголов активного залога и переходных; несоответствие знаков препинания эмоциональному накалу речи (Кириллина 2005: 31).

В одном из психолингвистических анализов сочинений, проводившимся Е.И. Горошко по 97 параметрам, оказалось, что для мужчин характерен рационалистический стиль, для женщин — эмоциональный. Мужские ассоциативные поля более стереотипны и упорядочены, мужская стратегия ассоциативного поведения (больше пояснительных и функциональных характеристик, приписываемых стимулу) значительно отличается от женской (ситуационной и атрибутивной) стратегии. Кроме того, ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными

фрагментами картины мира: охота, профессиональная, военная сфера, спорт (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин) (Белянин 2004: 202).

Выводы по главе 1

На основании рассмотренного теоретического материала по стратегии доместикации и гендерному фактору в переводе было установлено следующее:

Понятие перевода как посредничества при межкультурной коммуникации непосредственным образом связано с проблемой соотношения языка и культуры оригинала и перевода и необходимостью адаптации текста оригинала к чуждой ему языковой и культурной среде.

Границы решения проблемы достижения комплексной эквивалентности ИТ и ПТ и преодоления лингвоэтнического барьера являются два полюса, отмеченные в теории перевода: 1) перенесение читателя ПТ в сферу чужой культуры посредством прямого, иногда буквального перевода и 2) практически полное перенесение в сферу чужой культуры самого текста путём культурно-этнической трансформации произведения.

Противопоставленность этих двух полюсов лежит в основе понятия переводческого дуализма. Вслед за Л. Венути мы определяем переводческий дуализм как оппозицию двух противоположных стратегий перевода — форенизации, предполагающей подчёркивание национально-культурного колорита путём транслитерации, калек, дословного перевода, и доместикации, при которой происходит смягчение, затушевание грамматических и лексических различий языков и культур, чтобы избежать усложнения текста и не повредить его эстетике.

Стратегия перевода определяется концепцией переводчика и зависит от его принципиальных установок, направленных на достижение определенных

целей. Эти цели реализуются посредством методов перевода, представляющих собой совокупность мыслительных операций и переводческих решений, которые принимает переводчик исходя из собственных лингвистических и когнитивных знаний, и учитывая лингвистические и когнитивные знания реципиентов ПТ.

Ряд установок переводчика связан с проблемами гендера. В фонде общих знаний переводчика существуют стереотипные представления о мужской и женской речи, и последовательное применение этих знаний в процессе перевода представляет собой актуализацию стратегии доместикации в сфере гендера. Гендер является особой категорией, характеризующей языковую личность, и включает в себя закрепленные в сознании людей различные образы и характеристики индивида (психологические, поведенческие, социальные), так называемые гендерные стереотипы, которые находят свое отражение в языке как в одном из средств формирования личности. Гендерные стереотипы выражаются через речевое поведение мужчин и женщин, и имеют большое значение при переводе гендерно-маркированных единиц.

Глава II. Методы реализации стратегии доместикации при переводе мужской речи

2.1. Реализация стратегии доместикации на грамматическом уровне

Существенные грамматические различия английского и русского языков предполагают языковую адаптацию текста. В ходе исследования мы выявили основные критерии отбора примеров со стратегией доместикации: естественность звучания и наличие в переводе характерной черты принимающей лингвокультуры, которая может не обнаруживаться в оригинальном тексте при обратной связи: от перевода к подлиннику. Таким образом, можно предположить, что на грамматическом уровне стратегия доместикации сопряжена с типологическими случаями замены переводчиком предложения оригинального текста на безличное односоставное, использования эллипсиса или добавления частицы.

Начнем с тех случаев, когда переводчик использует безличное односоставное предложение.

(1) You are very good... Вам хорошо удается. (ВСН; пер. Н.Цыркун)

В данном примере стратегия доместикации выражается в использовании переводчиком безличного предложения, являющегося отличительной чертой синтетических языков, в которых значения главным образом выражаются внутри слова. Грамматика английского языка

предполагает обязательное наличие в предложении подлежащего и сказуемого, в русском же преобладает большое количество безличных предложений, которые позволяют выражать эмоции и другие ментальные акты как независимые и не контролируемые. Разнообразие безличных конструкций в русском языке отражают преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению (Вежбицкая 1996: 75).

(2) *I don't know but somehow it all looked very strange and funny... Нам с Сапой почему-то стало смешно ... (ВСН; пер. Н.Цыркун)*

В данном примере использование переводчиком безличного предложения позволяет выразить смысл оригинального текста меньшим количеством лексических средств за счет чего создается эффект «рубленного» текста, что добавляет речи мужского персонажа экспрессивности.

В ходе исследования мы также обнаружили, что эффект «рубленного» текста создается переводчиком за счет разделения одного предложения оригинального текста на несколько в переводном тексте.

(3) *“Something to cut small pieces of wood with.” — Что-нибудь компактное, чтобы резать, ну, скажем, дерево. Очень крепкое. На небольшие кусочки. (ВСН; пер. Н.Цыркун)*

Данный пример интересен тем, то переводчик не разделяет сложное предложение на несколько простых, а делит простое на несколько безличных. Подобная структура позволяет переводчику не только отразить особенности разговорной речи, но и передать эмоциональные оттенки настроения персонажа, например, раздражения и нетерпения, что позволяет создать эффект незаконченности речи.

Еще один выразительный прием, который использует переводчик, реализуя стратегию доместикации — эллипсис. В письменной речи эллипсис используется как стилистический прием, имитирующий общие черты разговорного языка, где ситуация предопределяет не опущение

определенного члена предложения, а их отсутствие. При этом эллипсис в лингвистике — намеренный пропуск несущественных слов в предложении без искажения его смысла, а часто служит средством для усиления смысла и эффекта. Эллипсис в языке художественной литературы может служить реализации таких стилистических приемов, как «интимизация речи, усиление динамики действия, гиперболизация событий и т. п.» (Литвин 2003: 11). Правила эллипсиса не универсальны, они носят идиоэтнический характер. К числу причин эллиптирования следует относить не только внутриязыковые причины (развитость глагольного согласования или базовый порядок слов), но и культурные в широком смысле. В современных германских языках опущение первого актанта (в типичном случае — подлежащего) затруднено или вовсе невозможно, в то время как в славянских языках это явление широко распространено. Русский язык относится к языкам флективного типа с развитым согласованием, и в связи с этим существует традиция считать, что в конструкциях с вершинным глаголом в формах 1–2-го л. ед. и мн. ч. подлежащее излишне, т. к. вся необходимая информация выражена личным окончанием глагола (Грудева 2008: 23).

В ходе исследования мы заметили, что чаще всего при переводе встречается элиминация подлежащего.

(4) *I walked forward, bent down, took her hand, closed my eyes and kissed it.* √
Подхожу, кланяюсь. Беру ее руку, закрываю глаза и целую. (ВСН; пер. Н.Цыркун)

В данном примере переводчик опускает местоимение, как и в предыдущих примерах создавая эффект «рубленного» текста, мысль мужского персонажа выражена более резко и категорично.

Реже встречаются примеры с эллипсисом одновременно подлежащего и сказуемого

(5) *"I need a saw," Jon said,* — √ *Пилу,* — *ответил Джон.* (ВСН; пер. Н.Цыркун)

Референт в данном примере известен из ситуационного контекста.

Мужская речь в художественном тексте отличается точностью и конкретностью, экономией лексических средств выражения мысли. Эллипсис

позволяет переводчику реализовать данные особенности мужской речи в переводном тексте.

Использование переводчиком безличных предложений и эллипсиса при переводе мы относим к слабой степени проявления стратегии доместикации.

Наиболее выразительным средством реализации стратегии доместикации на грамматическом уровне является добавление переводчиком частиц.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре частицам дается определение как неизменяемым служебным словам, которые 1) участвуют в выражении форм отдельных морфологических категорий, входя в состав слова, либо присоединяясь к нему; 2) передают коммуникативный статус высказывания; 3) выражают отношение высказывания или его автора к окружающему контексту, выраженному эксплицитно или имплицитно. Частицы также обладают определенными особенностями функционирования: многозначность, нечёткие семантические границы, совмещённость субъективного и объективного модальных начал, тесная связь частиц с лексико-грамматической структурой высказывания, способность соединяться в комплексы, обилие частиц в разговорной речи, обязательное соотнесение с совпадающими по форме и близкими по семантике единицами других частей речи. Особо важную роль при переводе играют частицы, выражающие отношение говорящего к описываемой ситуации, адресату и его высказыванию, а также к своему высказыванию (ЛЭС 2008).

Система частиц в английском языке не так развита, как в русском, в котором имеется огромное количество частиц, передающих оценки и чувства говорящего и придающих особую окраску стилю речевого взаимодействия между говорящим и слушающим (Вежбицкая 2011: 375). Развитая система частиц в русском языке отражает основной признак русской культуры — эмоциональность, которая выражается в свободном проявлении чувств, высоком эмоциональном накале русской речи, богатстве языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков. К важным особенностям

русских частиц можно отнести их способность сочетаться друг с другом, а также с другими единицами, образуя смысловые пучки, включающие единицы с эквивалентной функцией, и способность передавать скрытую семантику. Большинство выражаемых частицами значений имплицитно, и в этом состоит их специфика в сравнении с другими словами языка (Минченков 2001: 5).

Следующие примеры иллюстрируют применение переводчиком стратегии доместикации за счет добавления частиц, которые создают естественность звучания переводного текста и придают высказыванию персонажа большую экспрессивность.

(6) *Tell[∨] me about it. Объясните-ка мне, что это за штука. (ВСН; пер. Н.Цыркун)*

В данном примере переводчик вводит частицу -ка, которая присоединяется к глаголу через дефис. Частица вносит во фразу трудно уловимый оттенок, который в зависимости от ситуации восприниматься и как смягчение просьбы, и как её усиление, и просто как придание реплике некоторого налёта фамильярности, но чаще всего частица используется в разговорной речи с основным значением требования ускоренного выполнения действия и функцией усиления побуждения, что позволяет усиливать коммуникативную силу высказывания.

Следующий пример, помимо добавления частицы, интересен изменением формы выражения просьбы из интеррогативной в директивную.

(7) *“Listen, friend, isn't there any way to turn this whole thing around and[∨] just forget it?” — Слушай, дружище, давай все же забудем всю эту фигню. (ВСН; пер. Н.Цыркун)*

Нерасделяемая частица все же со значением усиления придает всему высказыванию дополнительную эмфатическую окраску и интенсифицирует функцию выражения побуждения. Изменение формы выражения просьбы на директивную, возможно, связано с тем, что русской мужской речи свойственно более прямолинейное выражение мыслей и эмоций говорящего.

В примере 8 переводчик добавляет просторечную частицу неужто(неужели) с имплицитно выраженной эмоцией недоумения.

(8) “√ *Do you really have another producer for this thing?*” — *Неужто вы, правда, нашли продюсера?* (ВСН; пер. Н.Цыркун)

Неверие, сомнение, выражаемые частицей *really*, могут передаваться в английском тексте и одним *really*, однако переводчик, сохраняя *really* (правда) и добавляя частицу, придает высказыванию большую экспрессивность, которая по стереотипным представлениям свойственна русской мужской речи.

В следующем примере переводчик добавляет составную частицу *уж - то*.

(9) “√ *I know. I know...*” — *Уж я-то знаю, знаю...* (ВСН; пер. Н.Цыркун)

Как и в примере 6 частица *-то* присоединяется к местоимению через дефис и обладает функцией идентификации, которая в сочетании с усилительной функцией придает высказыванию большую эмфатичность.

При переводе основная функция большинства частиц может быть определена как функция выражения отношения в значении уверенности, неуверенности, усиления и смягчения. Особо важную роль при переводе мужской речи играют частицы со значением уверенности и усиления. Однако даже частицы неуверенности и сомнения в переводном тексте приобретают оттенки уверенности.

2.2. Реализация стратегии доместикации на морфологическом уровне

Морфологический уровень включает структуру слова, формы словоизменения, способы выражения грамматических значений, а также отнесение слов к определенной части речи. Основная единица морфологического уровня — морфема, которая является наименьшей структурной единицей, имеющей двусторонний характер и представляет собой единство формы и содержания. Морфемы бывают двух родов: 1) непроемная основа или корневая морфема — обязательная часть слова, содержащая его значение; 2) аффиксальные морфемы — факультативная часть слова, несущая служебные функции. Основное различие между

аффиксальными и корневыми морфема заключается в обязательной повторяемости аффиксов в аналогично построенных и обладающих общим элементом значения словах и безразличие к этому свойству корней (Белошапкина 1989: 250).

Исходя из функции в языке и характера значения различают два класса аффиксальных морфем: 1) словоизменительные, выражающие отношения между словами в словосочетании или предложении; 2) словообразовательные (деривационные), используемые или для образования нового слова или же для видоизменения значения слова (Аракин 2005: 100).

Словообразование с помощью аффиксальных суффиксов довольно распространено в русском языке, который обладает широкой словообразовательной парадигмой. Английский язык также использует аффиксацию, однако набор аффиксов весьма ограничен и содержит омонимичные, совпадающий по форме морфемы. Благодаря аффиксации русские существительные передают помимо предметной информации широчайший спектр дополнительных эмотивно-оценочных и параметрических значений (Петрова 2011: 33).

Особый интерес для нашего исследования представляют словообразовательные морфемы, носящие модификационный характер и в большей степени свойственные русскому языку. Добиваясь эффекта естественного звучания, реализуемого путем использования стратегии доместикации, переводчик видоизменяет слово, добавляя к нему словообразовательные морфемы и придавая дополнительный семантический смысл. Несмотря на то, что выявление стратегии доместикации на морфологическом уровне возможно только за счет обратного перевода от перевода к подлиннику, мы относим его к низшему уровню проявления, так как модификация, ориентированная на принимающую культуру, происходит в рамках одного слова и передает дополнительные функциональные и семантические значения имплицитно за счет аффикса, который, прежде всего, реализуется в своем основном значении.

В ходе исследования мы выявили, что в плане перевода члены словообразовательной парадигмы образуют оппозиции разного рода в зависимости от выражения модификационных признаков: оппозиция увеличительность/уменьшительность, оппозиция слабая/сильная степень проявления признака, оппозиция положительной/отрицательной оценочности.

Начнем с тех случаев, когда в речи мужского персонажа словообразовательное средство выражено суффиксом со значением «большой».

(10. *One big tear in each eye. По огромной слезице в каждом глазу. (ВСПО; пер. Ю.Медведько)*

Переводчик в данном примере сохраняет интенцию исходного текста и передает значение увеличительности, используя аффиксальный способ словообразования с помощью суффикса -ищ с основным значением «большой». Также за счет сохранения в переводном тексте прилагательного «big» переводчик создает двойную эмфазу.

Пример 11, помимо использования переводчиком аффиксального способа словообразования с суффиксом увеличительности, интересен структурной формой переводного текста.

(11) *It was dark. Темнотища. (ВСПО; пер. Ю.Медведько)*

Переводчик использует простое назывное предложение, тем самым создавая «рубленный» текст и добавляя речи мужского персонажа экспрессивности.

В ходе исследования также были выявлены случаи использования переводчиком суффиксов уменьшительности, менее свойственные мужской речи и чаще всего передающие дополнительные семантические оттенки преимущественно негативного характера.

(12) *I wore my regular clothes. На службу я ходил в своей одежонке. (ВСПО; пер. Ю.Медведько)*

В примере 12 переводчик заменяет словосочетание «regular clothes» однословной номинацией, добавляя суффикс со значением

уменьшительности и дополнительным уменьшительно-пренебрежительным значением. Добавление суффикса позволяет переводчику не только более лаконично выразить мысль оригинального текста, но и придать индивидуальность речи персонажа за счет оценочности.

В ходе исследования был найден единичный случай использования в мужской речи суффикса уменьшительности исключительно в его основном значении.

(13) *What did they know of pain in their little cage? Что они знают о боли в этой своей клетушке? (ВСПО; пер. М.Немцов)*

Как и в примере 12, переводчик использует однословную номинацию. Аффикс вбирает значение прилагательного «little», но в то же время не приобретает каких-либо дополнительных коннотативных значений.

Следующая оппозиция членов образовательной парадигмы, выражающая степень проявления признака, в отличие от предыдущей оппозиции не обладает таким выразительным культурным потенциалом, так как почти никогда аффиксы данной оппозиции не приобретают дополнительных эмоционально-оценочных значений. Чаще всего при переводе мужской речи встречаются случаи использования переводчиком суффикса со значением сильного проявления признака, как проиллюстрировано в следующих примерах.

(14) *I felt like sh*t for days after. Несколько дней подряд я чувствовал себя препаршиво. (РЖУАД; пер. С.Самуйлов)*

Переводчик заменяет ненормативную лексику в оригинале на разговорное слово «паршивый» с префиксом пре-, синонимичному наречию «очень». Использование в переводе префикса для аффиксального способа словообразования встречается реже, чем использование суффикса.

(15) *There was an extremely tall man. На другом конце коридора вырос длиннющий парень. (ВСН; пер. Н.Цыркун)*

Как и в примерах 12 и 13, переводчик использует однословную номинацию, суффикс -ющ- вбирает значение слова «extremely».

Несвойственный мужской речи суффикс слабого проявления признака

был встречен в примере, характеризующем речь маленького мальчика.

(16) *...a monster the boy believed embodied in the town's sinister notary, Coppelius. ...он верил, что чудовищем этим был не кто иной, как Коппелиус, жутковатый местный адвокат. (GODLS; пер. Е.Петрова)*

Оппозиция положительной и отрицательной оценочности сама по себе обладают яркой выразительностью индивидуализации речи персонажа, но в отличие от двух предыдущих оппозиций, по нашему мнению, позволяет выразить более сложные имплицитно выраженные значения, как проиллюстрировано в следующих примерах.

(17) *I'm a WASP. Я из тех, кого называют «стопроцентный америкашка». (LRBU; пер. П.Рубцов)*

В словаре аббревиатуре «WASP» дается определение «белый англосаксонский протестант», однако переводчик, опираясь на специфику разговорной речи, расшифровывает аббревиатуру, создавая собственное креативное образование «стопроцентный америкашка», и добавляя оттенок пренебрежения благодаря использованию суффикса субъективной оценки -ашк-, свойственного разговорной и экспрессивно окрашенной речи.

(18) *I had about 3 quiet puffs when I heard a little old lady's voice behind me. Я сделал примерно три спокойные затяжки, когда услышал за спиной голосок еще одной старушенции. (BCPO; пер. М.Немцов)*

Суффикс отрицательной субъективной оценки в слове «старушенция», образованное от «старухи», приобретает дополнительное значение «ловкая, хитрая», которое существует только в языковой картине мира русского реципиента.

Собранный нами материал показал, что в мужской речи персонажа при переводе преобладает использование суффиксов отрицательной оценочности, в то время как суффиксы положительной оценочности встречаются преимущественно в обращениях, как проиллюстрировано в примере 19.

(19) *"Thanks, kid." — Спасибо, парнишка. (BCPO; пер. М.Немцов)*

Еще одним выразительным способом передачи стратегии доместикации на морфологическом уровне является словообразование при создании

окказионализмов. Окказионализмы – наиболее выразительные единицы художественной речи, широко используемые в литературном творчестве и обладающие художественной полифункциональностью, которая определяется эстетическими предпочтениями автора. Абсолютное большинство авторов единодушно относит окказионализм к явлениям речи. Отмечаются такие свойства окказионализма как невозпроизводимость его в языке, четкая целевая направленность его функционирования, особенности-создания окказионализма как своеобразной комбинации элементов и т.д. (Елисеева 1984: 11). В нашем исследовании мы рассматриваем стратегию доместикации с точки зрения ее реализации при создании окказионализма посредством словообразования в переводном тексте, в то время как в оригинальном тексте окказионализм отсутствует.

(20) "SIR! SIR! SIR! FORGET THAT 'SIR' STUFF, WILL YOU? – СЭР! СЭР! СЭР!
ХВАТИТ МНЕ СЭРКАТЬ, А? (ВСПО; пер. М.Немцов)

Значение производного слова базируется на значении производящего, осложненного семантической добавкой. Значение суффикса -к- — производить действие, значение основы сэр- — название производящего действие.

(21) *I stepped into a sheet of water and worked my way downhill. Я вышел под стеною воды и покандюхал вниз по склону. (ВСПО; пер. М.Немцов)*

В данном примере переводчик образует окказионализм от стилистически- сниженного слова «кандехать» с помощью префикса -по.

Являясь крайне продуктивными формообразующими пластами разговорной речи, словообразовательные суффиксы зачастую выступают интенсификаторами конкретных значений, а также несут оценочные функции, насыщая речь говорящего экспрессивностью и многообразием семантических оттенков. В ходе исследования мы также выявили, что несмотря на то, что в оригинале мужская речь отличается низкой эмоциональной интенсификацией при передаче эмоционального состояния или оценки предмета или явления слов, в тексте перевода благодаря

использованию переводчиком доместикации на морфологическом уровне речь мужского персонажа начинает звучать более экспрессивно, переводчик также, в основном, использует суффиксы с отрицательной оценкой и отдает предпочтение однословной номинации, из-за чего мужская речь в ПТ звучит четко и лаконично.

2.3. Реализация стратегии доместикации на лексическом уровне

В ходе исследования мы заметили, что ярче всего стратегия доместикации проявляется на лексическом уровне, когда переводчик прибегает к использованию стратегии доместикации при наличии в оригинальном тексте лакун. Также наблюдается обратная тенденция создания лакун в переводном тексте, в основном при переводе нейтральной лексики.

2.3.1. Стратегия доместикации в переводе безэквивалентной лексики

В каждом языке есть единицы, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода. Такого рода единицы называют безэквивалентной лексикой, главным образом, включающей неологизмы, специфические понятия и устойчивые сочетания, национальные реалии и имена собственные (Комиссаров 1990: 147).

При переводе безэквивалентной лексики переводчик стоит перед выбором стратегии в зависимости от того, стремится ли он сохранить лингвистические и культурные отличия оригинального текста или пытается сделать его более доступным и понятным в принимающей культуре. К основным способам реализации стратегии доместикации при переводе безэквивалентной лексики мы относим следующие виды перевода: приблизительный и описательный.

2.3.1.1. Стратегия доместикации в переводе реалий

Реалии относятся к особой категории средств выражения, которая включает в себя слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни, быта, культуры и истории одного народа и чуждые другому (Влахов 1980: 47).

Начнем с тех случаев, когда переводчик использует стратегию доместикации при переводе реалий-мер, единиц измерения, связанных с числительными или другими количественными словами и являющимися носителями информации об определенном расстоянии, весе, объеме и т.д. Дифференциация культур, концептуальных систем и когнитивных механизмов познания разных этносов определяют отличия языковых результатов познания количественных параметров окружающей действительности. В большинстве случаев, чтобы не утратить национального колорита, переводчики используют стратегию форенизации, однако есть случаи, когда адаптация текста оригинала в отношении реалий-мер не несет существенного ущерба национальному колориту оригинала, как проиллюстрировано в следующих примерах.

(22) He must have run a hundred yards in 9.2. Без сомнения, он мог взять "стометровку" за 9,2. (ВСПО; пер. Ю.Медведько)

В данном примере переводчик прибегает к функциональному аналогу и заменяет слово «yard» на «метр». Художественный текст позволяет автору перевода отступить от точного перевода слова «yards», которое могло бы затруднить чтение и восприятие написанного, и реципиенту пришлось бы обратиться к метатексту, чтобы получить более или менее ясное представление о данном фрагменте действительности.

Несколько ослабленный колорит многих реалий-мер, их приблизительные, "округленные" значения, а также участие в построении художественного образа, т. е. тот факт, что они действуют не столько на рассудок, сколько на воображение реципиента, позволяет в ряде случаев

переводить с использованием стратегии доместикации.

(23) *It was miles long and wide. Огромное поле. (ВСПО; пер. Ю.Медведько)*

В данном примере реалия-мера «mile» переведена с помощью контекстуального перевода. Чтобы выразить смысл большого расстояния, переводчику не обязательно переносить в перевод мили, так как контекст мало что выиграет в отношении колорита.

Стратегия доместикации также применяется в отношении бытовых реалий, чаще всего переводчик прибегает к описательному виду перевода, как проиллюстрировано в примере 24.

(24)... *the streets were lined with American gas stations and grocery stores, boutiques and Burger Kings. ... все было устроено на американский манер: бензоколонки и бакалейные лавки, магазинчики и закусочные с гамбургерами (LRBU; пер. П.Рубцов)*

В настоящее время рестораны Бургер Кинг довольно распространены повсеместно, вряд ли найдется человек не знакомый с данной реалией. Однако данный перевод был выполнен в 1990 году, когда реципиент мог не понять смысл данной реалии. С помощью описательного перевода, тем самым адаптируя текст под принимающую культуру, переводчик передает предметное содержание реалии; однако, почти всегда имеет место стирание национального колорита, так как происходит замена коннотативного эквивалента нейтральным по стилю.

Реалии встречаются как в речи мужского, так и женского персонажа. Так как они почти не обладают гендерной спецификой, способы их передачи в переводящем языке нейтральны.

2.3.1.2. Стратегия доместикации в переводе имен собственных

Имя собственное выполняет функцию индивидуализирующей номинации – особое, индивидуальное обозначение предмета независимо от ситуации и без обязательных уточняющих определений (Ермолович 2001: 9).

При переводе имен собственных переводчик чаще всего прибегает к

стратегии форенизации, которая реализуется посредством транслитерации или транскрипции. В ходе исследования мы выявили случаи обязательного применения стратегии доместикации, связанные с именованями прозвищного типа, как проиллюстрировано в следующих примерах.

(25) "O.K., Stone," I said. Among the carriers he was known as "The Stone," but I was the only one who addressed him that way. – Ладно, Камешек, – ответил я. Среди доставщиков он проходил под кличкой Камень, но только я называл его так в лицо. (ВСПО; пер. М.Немцов)

Данный пример интересен тем, что прозвище совпадает с именам собственным и используется в том или ином значении в зависимости от наличия или отсутствия артикля. Переводчик не только передает смысл прозвища посредством кальки, но и добавляет к слову суффикс -ек с уменьшительно-пренебрежительным значением, что позволяет показать отношение персонажа.

(26) There was Big Monster and Little Monster; The Creeper, Buffo, Doghead, Lady Lila, Freestroke, Clara and others. Звали их Большой Страшила и Маленький Страшила, Змей, Бык, Песья Башка, Леди Фиалка, Подзатыльник, Клара и так далее в том же духе. (ВСН; пер. Н.Цыркун)

Нередко при переводе ситуативных прозвищ переводчику приходится быть изобретательным, применяя те или иные относящиеся к стратегии доместикации переводческие приемы: The Creeper/Змей – генерализация, Lady Lila/Леди Фиалка — функциональный аналог. Ситуативные прозвища — не просто удобные заместители имён. Они заключают в себе способ дать человеку такую лаконичную характеристику, какая в противном случае могла бы потребовать более развернутой формулировки. При переводе ситуативных прозвищ стратегия доместикации позволяет сохранить их ориентированность на определённую ситуацию и передать яркую мотивированность образной номинации, содержащей характерные признаки своего носителя. В отличие от женщин, которые стараются избегать в разговорной речи унижительных обращений, кличек и прозвищ, мужчины наоборот с их помощью проявляют

«панибратское» отношения, поэтому их передача на русский язык имеет гендерно-маркированный характер: Doghead / Песья Башка — нейтральное слово «head» передается разговорным словом «башка».

В ходе исследования мы также встретили случай использования переводчиком стратегии доместикации при переводе топонима.

(27) *“The snows of Moscow...”—В снегах России, значит... (ВСН; пер. Н.Цыркун)*

В данном примере имеет место периферийный случай использования стратегии доместикации путем генерализации. В представлении инокультурного реципиента Москва отождествляется с Россией, однако для русского человека Москва и Россия - отдельные понятия.

2.3.1.3. Стратегия доместикации в переводе фразеологических единиц

Фразеологическими единицами называют словосочетания, использующиеся в речи как готовые словесные блоки (Виноградов 2001: 180). В ходе исследования мы выявили, что стратегия доместикации при переводе фразеологизмов встречается в тех случаях, когда переводчик создает лауну в переводном тексте посредством добавления реалии, как проиллюстрировано в следующих примерах.

(28) *“Not for a wager of money,” said Krupkin, grinning. – Ни за какие коврижки, – ухмыльнувшись, сказал Крупкин. (LRBU; пер. П.Рубцов)*

(29) *It was a mortal blow, l...”Его чуть кондрашка не хватил. (ВСН; пер. Н.Цыркун)*

Существует несколько версий происхождения русского устойчивого сочетания «кондрашка хватил»: от имени Кондратий или эвфемистическое наименование смерти, тяжелой болезни, паралича, характерное для народного суеверия. Переводчик не только вводит реалию принимающей культуры, но и использует более стилистически сниженное выражение, которое чаще всего используется в шутовом отношении.

(30) *“This isn’t your normal ball game. – Это тебе не в носу ковырять. (LRBU; пер. П.Рубцов)*

В данном примере переводчик заменяет английский фразеологизм на просторечное русское выражение «не в носу ковырять». Фразеологические единицы обладают разной степенью выразительности. В ходе исследования мы заметили, что все большее развитие при переводе мужской речи получает тенденция намеренного огрубления речи. Фразеологические единицы оригинала заменяются на более экспрессивные, стилистически сниженные сочетания, как можно предположить, свойственные русской речи мужского персонажа.

2.3.2. Стратегия доместикации в переводе сниженной лексики

Сниженной называют лексику, не входящую в состав литературной, стандартизированной, обладающую особой стилистической окраской и экспрессивностью, употребляющуюся преимущественно в разговорной речи. Сниженная лексика сильнее других лексических пластов языка выражает тенденцию максимальной экономии лексических средств, лаконичности. В повышено эмоциональном общении важна оперативность, которую дают слова-клише. Лексические и информационные единицы концентрируются в коротких некодифицированных словах, которые часто произносятся бездумно и носят чисто символический характер.

Наиболее широко лексика сниженного стиля используется автором в речи персонажей в целях психологической и социальной характеристики, выражения субъективного отношения, отражения эмоционального состояния, определения их общественной принадлежности или создания необходимой атмосферы повествования (Хафизова 2014: 92).

Для перевода сниженной лексики особую проблему составляет соблюдение всех особенностей единиц сниженной лексики оригинала: их денотативная и коннотативная семантика, функции в тексте, структурные

особенности (Фоменко 2016: 130).

По стереотипным представлениям именно в мужской речи преобладает использование сниженной лексики, в особенности слэнговых выражений и вульгаризмов. В ходе исследования мы выявили, что стратегия доместикации имеет особое значение при переводе вульгаризмов, в то время как сленговая лексика передается с помощью словарных эквивалентов или приближенных аналогов, как проиллюстрировано в следующем примере.

(31) *He just jumped up and ran to the crapper.* Великан неожиданно вскочил и бросился в сортир. (BCHR; пер. Ю.Медведько)

В данном примере американское слэнговое слово «crapper» передается с помощью эквивалентного русского слэнгового слова «сортир». Стратегия доместикации не использовалась.

При переводе вульгаризмов стратегия доместикации применяется в виде усиления или нейтрализации речевовоздействующего эффекта сниженной лексики, что обуславливается особенностями интерпретации лица, создающего переводной текст (мужчина или женщина переводчик) и традициями принимающей культуры.

Начнем с тех случаев, когда переводчик использует эвфемистичекий перевод, опуская или заменяя вульгарную лексика на более нейтральную.

(32) *“I mean, I don’t have any talent of any kind. It’s all just bullshit.”* —Да не гожусь я ни на что.√ (BCH; пер. Н.Цыркун)

(33) *“HEY, MAN, GET THE FUCK OUT OF THE WAY!”* —Эй, парень, а ну√ с дороги! (BCH; пер. Н.Цыркун)

В примере 32 и 33 женщина переводчик опускает вульгаризмы, к которым чаще всего относят весьма распространённым в английском языке богохульства, клятвы и проклятия с использованием религиозных терминов, которые функционально близки междометиям, и которые используются в основном для выражения негативных эмоций. В результате опущения речь мужского персонажа звучит менее эмоционально. Однако стоит отметить, что переводчик женщина прибегает к данному приему только в тех случаях, когда

оригинальное произведение перенасыщено подобного рода вульгаризмами, которые по большей части сохраняются в переводном тексте.

(34) “*So you’ve got a fucking medal and I’ll add a lot of money to it.*” –*Значит, заслужил √ медальку, к которой я еще добавлю немного денег.* (LRBU; пер. П.Рубцов)

Как и в предыдущих примерах, переводчик опускает вульгаризм «*fucking*», но выражает эмоциональное состояние персонажа с помощью уменьшительно-пренебрежительного суффикса -к- в слове «медалька». Подобный эвфемистический перевод, возможно, объясняется тем, что перевод был сделан в 1990 году, когда тенденция к коллоквиализации только начала проявляться.

Нередки случаи замены в переводе оригинального вульгарного выражения на просторечную лексику.

(35) “*Wasteful bastards*” — *С журу бесятся.* (GOL; пер. Е.Петрова)

В данном примере переводчик заменяет ругательное слово «*bastards*» на менее грубое просторечное устойчивое сочетание, которое позволяет метафорически выразить смысл оригинального текста.

(36). “*I just held up a fucking gas station!*” — *Я только что грабанул √ бензозаправку!* (BCHR; пер. Медведько)

В данном примере переводчик опускает вульгаризм «*fucking*», но заменяет нейтральное слово «*hold up*» на стилистически-сниженное «*грабануть*», сохраняя тем самым эмотивность оригинального текста.

Следующий пример интересен тем, что переводчик заменяет междометие «*for Christ's sake*» на редко использующийся при переводе эвфемизм-ругательство «*ядрена вошь*».

(37) “*For Christ's sake*”, *I though.* “*Ядрена вошь!* - мелькнула мысль. (BCPO; пер. М.Немцов)

Ядрёна вошь — популярное "мифологическое" животное, чье имя используется в разговорной русской речи в качестве замены более крепким выражениям. Слова «*вошь*» в языковой картине мира русского человека имеет крайне негативную коннотацию, которая в полной мере реализуется в

пословице «смотреть, как солдат на вошь». При обратном переводе русское выражение не имеет схожих с оригиналом словарных соответствий.

В современном русском языке наблюдается устойчивый процесс перехода жаргонной лексики в разговорную, расширение синонимических рядов происходит преимущественно за счет лексики сниженных стилистических разрядов, при этом также стоит отметить формирование общенационального слэнга, который существенно расширяет сферу своего функционирования в языке (Стернин 2015: 33). В ходе исследования мы заметили, что стратегия доместикации при переводе сниженной лексики также выражается в замене вульгаризмов на слэнговые выражения, как проиллюстрировано в следующем примере.

(38) *“What is this bullshit?” I asked. —Что за понты? — спросил я. (ВСН; пер. Н.Цыркун)*

Мы также выявили несовпадения частотности одних и тех же слов в английском оригинале и переводном тексте. Более широкий синонимичный ряд сниженной лексики в русском языке позволяет более выразительно передать эмоции персонажа и характеризовать особенности мужской речи, что можно проиллюстрировать следующими примерами.

(39) *“How in the hell would I know?” — Откуда, к чертовой матери, мне знать? (LRBU; пер. П.Рубцов)*

(40) *“What the hell was that?” yelled the young policeman. —Что это было, черт подери?— крикнул молодой полицейский. (LRBU; пер. П.Рубцов)*

Однако данные примеры мы относим к периферийным случаям проявления стратегии доместикации, так как клишированное выражения «к чертовой матери» и «черт подери» совпадают с оригинальным по своим семантическим и функциональным признакам и не обладают ярко выраженной характерной чертой принимающей культуры.

Высокая степень проявления доместикации при переводе сниженной лексики встречается в тех случаях, когда переводчик использует реалию принимающей культуры.

(41) *They were all prima donnas--even the farmboy conscripts still picking shit from*

between their toes paraded around like members of the Party elite. Считают себя фу-ты ну-ты – даже новобранцы из деревни. Ещё вчера щи лаптем хлебали, а себе туда же...
(СТНРО; пер. И.Почиталин)

Данный пример, помимо использования переводчиком фразеологизма, включающего две русские реалии — щи, лаптем, интересен переводом английского устойчивого сочетания «to be prima donnas». «Фу-ты ну-ты» образовано из междометия «фу» и местоимения «ты», вторая часть дублирует первую с заменой первого компонента на междометие «ну». Отдельное междометие «фу-ты» выражает удивление, досаду или раздражение говорящего, в сочетании с «ну-ты» отсылает к полному народному фразеологизму «фу-ты ну-ты, ножки гнуты».

2.3.3. Стратегия доместикации в переводе нейтральной лексики

Высшая стадия проявления стратегии доместикации встречается на лексическом уровне в переводе нейтральной лексики. В ходе исследования мы заметили, что переводчик добивается естественности звучания за счет добавления или замены нейтральной лексики ключевыми словами, реалиями, устойчивыми сочетаниями принимающей культуры. Чаще всего результат использования подобных добавлений и замещений является производным, но «необратимым (не совпадающим с оригиналом в случае обратного перевода)» (Корячкина 2017: 6).

Прежде всего, рассмотрим примеры, в которых переводчик использует ключевые слова русского языка, отражающие культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Именно эти слова способны отражать естественный язык во всем его богатстве и уникальности (Вежбицкая 1993: 186). Используя данные, слова переводчик не только создает естественность звучания ПТ, но и воплощает основные культурные концепты. В нашем исследовании мы выявили, что особенно важную роль

при переводе мужской речи играют такие ключевые русские слова, как душа, дух и совесть (Спаская 2005).

В примере 42 переводчик добавляет слово «душа».

(42) *"I hate it[√] but I understand."* — Мне оно ненавистно до глубины души. (LRBU; пер. П.Рубцов)

В данном примере переводчик заменяет нейтральное слово «hate» на метафору со словом «душа», придавая предложению большую экспрессивность. Русский человек рассматривает концепт «душа» как духовное, моральное и эмоциональное ядро человека и некий внутренний мир, в котором разворачивается его моральная и эмоциональная жизнь. Используя данное ключевое слово переводчик тем самым обращается к языковой картине мира читателя принимающей культуры, что тем самым свидетельствует о высшей степени проявления доместикации.

Пример 43 также иллюстрирует использование переводчиком слова «душа».

(43) *It hurts too much[√]!* Эти мысли терзали его душу! (LRBU; пер. П.Рубцов)

В данном примере переводчик не только обращается к ключевому понятию русской культуры, но и метафоризирует оригинальный текст, придавая ему большую экспрессивность.

Пример 44 иллюстрирует применение переводчиком другого ключевого понятия русского языка - «дух».

(44) *It's true[√]!* И говорю вам как на духу! (BCH; пер. Н.Цыркун)

Данное слово находится в центре целого фразеологического семейства и обладает большим культурологическим потенциалом, что можно проиллюстрировать следующими примерами.

(45) *Ryan took a deep breath.* Он перевёл дух (CTHRO; пер. И.Почиталин)

(46). *...something to keep me going...* чтоб поддержатъ дух. (BCPO; пер. М.Немцов)

Понятие «дух» обозначает бессмертную силу, всегда пребывающую в человеке. В русском языке слово дух выступает как аналог слова душа. Мы заметили, что слово «дух» имеет особое значение при переводе мужской речи, так как в русской культуре понятие «дух» относится не только к

семантическому полю «религии и православной традиции», но и содержит в себе семы «храбрость», «сила» - отличительные мужские качества.

В примере 47 переводчик вводит в перевод еще одно ключевое понятие русской культуры — совесть.

(47) You mean you don't have the comfort of an excuse. Ты имеешь в виду, что у тебя нет спокойствия, которое возникает, когда совесть чиста. (LRBU; пер. П.Рубцов)

Понятие «совести» связано с понятием христианства, совесть — это основополагающий компонент системы морально-нравственных ценностей, чувство собственной ответственности перед собой и обществом, которое возникает благодаря некоему внутреннему судье, или голосу Бога, и в случае несоответствия внутреннему долгу жестоко карает нарушителя. Характерное для русской языковой картины мира представление о совести как о чем-то, что функционирует внутри человека и в целом очень напоминает невидимый орган, подобно душе.

В примере 48 переводчик использует еще одно ключевое понятие русской культуры — Родина.

(48) Many things may be done in the name of Russian interests. Во имя интересов Родины можно пойти на многое (LRBU; пер. П.Рубцов)

Родина как «духовное сокровище» реализуется в «родном пространстве» и в способах его обустройства, в том числе и символических. Родина для русского человека — не просто страна, в которой он родился и жил, а совокупность духовных и нравственных ценностей. И если любовь к Родине можно считать неотъемлемой чертой национального характера, которая всегда проявляется у русских открыто и эмоционально, то служение Родине уже относится к стереотипным представлениям о мужском долге.

Подобные ключевые слова, которые являются своего рода ориентирами в восприятии действительности, позволяют переводчику передать концептуальную систему отражения мира реципиента принимающей культуры, изменяют оригинальный текст в соответствии с русскими национально-культурными традициями.

Довольно часто переводчик обращается к использованию при переводе русской реалии.

(49) *What a job, I thought. Soft! Вот так работенка, подумал я. Семечки!* (ВСПО; пер. М.Немцов)

Семечки — реалия традиционного русского быта и культуры. Как и в предыдущих примерах переводчик обращается к языковой картине мира русского человека, для которого не составляет труда узнать в этом слове часть фразеологизма «щелкать как семечки», означающий «легко справляться с чем-либо». Подобные замены обладают особым культурологическим потенциалом и позволяют легко выявить использование переводчиком стратегии доместикации. Переводчик не только достигает естественности звучания, но и привносит русскую реалию, еще больше адаптируя текст под принимающую культуру.

Еще один выразительный пример при переводе нейтральной лексики — замена на устойчивое выражение, окрашенное национально-культурной спецификой.

(50) *"There are plenty of god-damned oranges. — Да этих апельсинов тут хоть ж*пой жри.* (ВСНР; пер. Ю.Медведько)

В данном примере переводчик заменяет нейтральное выражение «plenty of» на вульгарное выражение «хоть ж*пой жри». Подобные замены имеют особое значение при переводе мужской речи, которой в целом свойственна некоторая вульгаризация и этическая сниженность высказываний по сравнению с подлинником.

(52) *I looked around, nobody was concerned. Я оглянулся: всем трын-трава.* (ВСПО; пер. М.Немцов)

Данный пример интересен использованием при переводе фразеологизма с русской реалией. Также в этом примере можно увидеть антонимический перевод.

В ходе исследования мы заметили, что все большее развитие при переводе мужской речи получает тенденция намеренного огрубления речи. Нейтральные выражения оригинала заменяются на более экспрессивную,

стилистически сниженную и бранную лексику, как можно предположить, свойственную русской мужской речи. Таким образом, стратегия доместикации проявляется не только на лексическом, но и на стилистическом уровне.

2.4. Реализация стратегии доместикации при переводе произведений о России

Культурная идентичность предполагает сохранение лингвокультурного субстрата – культурно-специфичных деталей при выражении мыслей средствами другого языка. Лингвокультурный субстрат в контексте другого языка актуализируется как инолингвокультурный субстрат (термин введен В. В. Кабакчи), который реализуется, главным образом, ксенонимами, номинациями специфических элементов инолингвокультуры (Юзефович 2011: 201). В то время как инолингвокультурный субстрат представляет собой чужеродный элемент для реципиента исходного текста, при переводе на язык, чья культурная идентичность представлена в оригинале, он может трансформироваться в противоположное явление и реализовать стратегию доместикации. При переводе художественного произведения реализуется, как правило, более одной стратегии; для перевода на русский язык произведений о России ключевую роль играет стратегия доместикации, а сопутствующими будут стратегии, касающиеся любых «сквозных» аспектов художественного текста (Петрова 2017).

На вербальном уровне русскокультурный субстрат выражен посредством транслитерированных с русского языка номинаций. В оригинальном тексте значение такого рода номинаций нередко эксплицируется, что при переводе на русский язык представляется излишним. Таким образом, объяснение русской реалии или транслитерированного русского выражение опускается, как проиллюстрировано в следующих примерах.

(53) *Sukhanow somehow knew, were called ivanchai – Ivan's chai, Ivan's tea...* чье название внезапно пришло Суханову на ум: «иван-чай» (GODLS; пер. Е.Петрова)

(54) *obey their orders as readily as any wet-nosed matros (seaman) исполнять приказы командиров так же беспрекословно, как все сопливые матросы* (CTHRO; пер. И.Почиталин)

(55) *"Nasha lutchu," he concluded. Ours is better. — Наша лучше, — закончил он.* (CTHRO; пер. И.Почиталин)

Рассматривая произведения о России, мы отметили особую роль при реализации доместикации в оригинальном тексте авторов-билингвов, в языковой картине мира которых сочетаются две контактирующие культуры: родная культура и культура второго языка. Результат деятельности билингва – текст на первом языке, который ориентирован на описание культуры второго языка или текст на втором языке, отражающий мир первого языка. Переориентация языка на другую культуру проявляется, в первую очередь, на уровне лексики посредством национально-культурных языковых единиц. Однако если переводчик-небилингв ограничен своими знаниями в форме выражения инокультурной идентичности, переводчик-билингв может передавать более глубинные элементы культуры переводного текста.

(56) *We wish you happiness", a line from a popular song Мимо проковыляли две пьяные девицы, которые неумолчно горланили: «Мы желаем сча-а-стья-а-а вам»* (GODLS; пер. Е.Петрова)

В данном примере стратегия доместикации в оригинальном тексте актуализируется посредством аллюзии на русскую известную песню, которая при переводе не требует толкования.

(57) *Valya shouted to someone named Stepasha to switch off the stove and to Annechka to answer the phone... Валя крикнула какому-то Степаше, чтобы выключил газ, а потом Анечке, чтобы подошла к телефону* (GODLS; пер. Е.Петрова)

В оригинальном произведении представлено большое разнообразие русских имен (Valya, Stepasha), причем многие из них употребляются в разных формах. В данном примере автор-билингв использует уменьшительно-ласкательный суффикс в имени собственном «Annechka», что может вызвать трудности понимания и запоминания у реципиента исходного

текста, но мгновенное узнавание у реципиентов переводного текста.

В ходе исследования мы также заметили, что использование стратегии доместикации при переводе произведений о России наиболее оправданно. Благодаря тому, что переводчик знаком с теми возможностями, которые предоставляет говорящему каждый из двух языков, он «способен подходить к переводу не только с позиции неизбежных потерь, но и с позиции возможных приобретений» (Петрова 2017). Так переводчик реализует стратегию доместикации за счет аффиксов: *janitor's wife* – дворничиху; добавления более эмоциональной и стилистически-сниженной лексики: *liar* – Брехло проклятое!; использования пословицы принимающей культуры: *it is the wolf you do not see that you must fear* – не спросившись броду, не мечутся в воду; использования реалии принимающей культуры: *loaf of bread* – каравай хлеба.

Выводы по главе 2

В ходе исследования мы выявили основные критерии отбора примеров со стратегией доместикации: естественность звучания и наличие в переводе характерной черты принимающей культуры, которая может не обнаруживаться в оригинальном тексте при обратной связи: от перевода к подлиннику. Таким образом, естественность звучания переводного текста 1) на грамматическом уровне возникает в результате замены оригинального текста на безличное предложение, использования эллипсиса или добавления частицы; 2) на морфологическом уровне за счет необычного стилистического использования тех или иных морфологических средств, аффиксов, вызывающих положительную или отрицательную эмоциональную оценку и совмещающих в себе несколько коннотативных компонентов, например, стилистическую окраску и оценочность или экстенсивность и оценочность, а также за счет образования с помощью аффиксов окказионализмов; 3) на лексическом уровне благодаря заполнению лакун номинаций в оригинальном тексте посредством приблизительного и описательного перевода и благодаря

созданию лакун в переводном тексте посредством замены или добавления ключевого слова, реалии и фразеологической единицы принимающей культуры.

Наше исследование также показало, что при переводе мужской речи на русский язык преобладает тенденция намеренного усиления экспрессивности и эмфатичности высказываний, которое достигается за счет использования переводчиком русских частиц, аффиксов и более стилистически-сниженной лексики по сравнению с оригиналом.

Стратегия доместикации имеет особое значение при переводе произведений о России, в которых уже заложен потенциал для использования стратегии доместикации. Автор оригинального текста реализует стратегию форенизации по отношению к исходному реципиенту и стратегию доместикации по отношению к реципиенту переводного текста. Переводчик же за счет использования стратегии доместикации в переводном тексте может подчеркнуть культурную идентификацию описываемой в оригинале культуры.

Заключение.

В процессе перевода происходит столкновение культуры оригинала и культуры перевода. Лингвокультурная адаптация рождающегося в процессе перевода текста, ориентированная на принимающую лингвокультуру и выраженная в современном переводоведении термином стратегии доместикации, послужила предметом данного исследования.

Цель данной работы заключалась в выявлении основных особенности проявления стратегии доместикации при переводе мужской речи.

В ходе проведения исследования доказана гипотеза о том, что применение стратегии доместикации имеет градуальный характер и проявляется на нескольких ступенях или стадиях. Низшая стадия проявления стратегии доместикации встречается, прежде всего, на грамматическом и морфологическом уровнях. Высшая стадия — на лексическом уровне в переводе нейтральной лексики, когда переводчик модифицирует текст без видимых на то причин.

Также к высшему проявлению стратегии доместикации мы относим случаи различных переводческих преобразований (замен, добавлений), которые позволяют обратиться к языковой картине мира реципиента принимающей лингвокультуры. К низшему — приблизительный и описательный перевод реалий и имен собственных.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что оправданное применение стратегии доместикации как на низшей, так и на высшей стадии встречается только при переводе произведений о России.

При переводе мужской речи стратегия доместикации, прежде всего, проявляется в современной тенденции намеренного огрубления речи: нейтральная лексика в оригинальном тексте заменяется на более эмоциональную и стилистически-сниженную в тексте перевода. При переводе стилистически-сниженной лексики, а именно вульгаризмов, в основном наблюдается обратная тенденция нейтрализации или эвфемизации мужской речи.

Литература.

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / Учебное пособие. — 3-е изд. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. - 232 с.
2. Белошапкова В.А. (отв. ред.). Современный русский язык. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Высшая школа, 1989. - 800 с.
3. Белянин В.П. Психоллингвистика / Учебник. - М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2004. - 232 с.
4. Бурукина О.А. Гендерный аспект перевода // Гендер как интрига познания: сборник статей. М.: Рудомино, 2000. - 99-107 с.
5. Валеева Н.Г. Введение в переводоведение.- М.:РУДН, 2006. - 85 с.
6. Вахрамеева А.С. Импликации общего суждения в гендерно-

ориентированных высказываниях (на материале современного английского языка) // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. - 59-64 с.

7. Вежбицкая Анна Семантические универсалии и базисные концепты. — М.: Языки славянских культур, 2011. - 568 с.

8. Вежбицкая Анна Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах// THESIS, 1993, вып. 3. - 185-206 с.

9. Вежбицкая Анна Язык. Культура. Познание: Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

10. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.- М.: Русский язык, 1990.-248 с. 10.

11. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). - М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, - 224 с.

12. Влахов С. Непереводимое в переводе // С. Влахов, С.Флорин. — М.: Международные отношения, 1980. - 343 с.

13. Войнич И. В.«Золотая середина» как стратегия перевода: о (не) возможности ее достижения // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1. - 41-45 с.

14. Войнич И.В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010.- 19 с.

15. Володина Т.С. Понятие „стратегия перевода“ в рамках когнитивно-деятельностной парадигмы (на материале лингвистических монографий) // <http://studydoc.ru/doc/2435321/ponyatie-%E2%80%9Estrategiya-perevoda%E2%80%9C-v-ramkah-kognitivno> 25.01.2017

16. Грудева Е.В. Валентностный класс глаголов и эллипсис

приглагольных актантов в современном русском языке (экспериментальное и корпусное исследование) // МИРС. 2008. №4. - 22-29 с.

17. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. М., 1985.-451 с.

18. Гусаров Д.А. Языковое выражение смысла в условиях лингвоэтнического барьера : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / РУДН. Москва, 2013.- 16 с.

19. Елисеева В.В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта (в прагматическом аспекте): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984. - 17 с.

20. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Р. Валент, 2001. - 200 с.

21. Зайцева, В.А. Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: материалы II Междунар. науч.-практ. конф, Минск, 25 окт. 2013 г. – Минск, 2014. - 77-82 с.

22. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Текст] I Ю.Н. Караулов II Язык и личность. М. : Наука, 1989. - 3-8 с.

23. Кирилина А.В. Лингвистические гендерные исследования / А.В. Кирилина, М.В. Томская // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (22). - 22-43 с.

24. Комиссаров В.Н. Теория перевода / В.Н. Комиссаров. — М.: Высшая школа, 1990. - 255 с.

25. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода / Учебное пособие. - М., 1999.- 136 с.

26. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов.- М.: ЧеРо, 2003. - 349 с.

27. Корячкина А.В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / СПбГУ, 2017. - 25 с.

28. Куликова Ю.С. Гендерная специфика переводов (на материале

женских романов) // Вестник ЧелГУ. 2011. №8. - 84-87 с.

29. Кыштымова Т.В. Понятие "языковая личность" в современной лингвистике // Вестник ЧГПУ. 2014. №6. - 237-244 с.

30. Латышев Л. К.. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: Кн. для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз.— М.: Просвещение. 1988. - 160 с.

31. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с.

32. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. — 5987 с.

33. Литвин С.И. Компрессия художественного текста в двуязычной ситуации : На материале английского и русского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20. - Москва, 2003. - 168 с.

34. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. - 208 с.

35. Минченков А.Г. Русские частицы в переводе на английский язык.- СПб.: ООО "Издательство "Химера", 2001. - 96 с.

36. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь/Л.Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. - 320 с.

37. Петрова Е.С. Сопоставительная типология английского и русского языков. грамматика : учебное пособие для вузов / Е. С. Петрова, Филологический факультет СПбГУ . – СПб. : Филологический ф-т СПбГУ ; М. : Академия, 2011. - 368 с.

38. Петрова Е.С. Стратегия доместикации в художественном переводе: из опыта работы над произведениями о России / Н. Л. Вершинина // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки, 2017 (в печати)

39. Савушкина Л.В. Перевод как проблема межкультурной коммуникации : автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2013. - 21 с.

40. Спасская Е.К. Ключевые слова как отражение русского национального характера: На материале прозы И. С. Шмелева : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : М., 2005. - 216 с.

41. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца 20 — начала 21 века / И.А.Стернин; изд. 5-е. - М — Берлин: Директ-Медиа, 2015. - 77 с.

42. Томахин, Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация / Ин-т языкознания РАН. - М. : 1997. - 129-137 с.

43. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / Учеб. пособие. - 5-е изд. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО "Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ", 2002. - 416 с.

44. Фененко Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого. Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001, Вып. 1. - 70-75 с.

45. Фоменко Т.А. Социальная вариативность языковых средств при переводе художественных произведений (на материале романа Д. Митчелла «Луг Черного Лебедя») // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. - 128-135 с.

46. Хафизова А. А. Перевод разговорной и стилистически сниженной лексики на русский язык: семантико-стилистические аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. - 90-98 с.

47. Шелестюк Е.В. Лингвокультурный перенос как психолингвистическая основа переводческой адаптации // Вестник ЧелГУ. 2013. - 37-47 с.

48. Шлейермахер Ф.Д. О разных методах перевода : лекция, прочитанная 24 июня 1813 г./Фридрих Даниель Шлейермахер // Вестник Московского университета.- Серия 9 "Филология" : Науч. журнал . – 07/2000.N2. - 127-145 с.

49. Юзефович Н.Г. Типология письменных текстов англоязычного

межкультурного общения // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. - 200-206 с.

50. Nida, Eugene. Language and Culture-Contexts in Translation. John Benjamins B.V. 2001. - 140 p.

51. Nord, Christiane. 2001. Translating as a Purposeful Activity – Functional Approaches Explained // <https://ru.scribd.com/doc/81722493/Christiane-Nord-Translation-as-a-Purposeful-Activity> 15.04.2017

52. Venuti Lawrence. The Translator's Invisibility. A History of Translation London and New York: Routledge, 1995. - 365 p.

Список источников языкового материала

53. Ольга Грушина, Жизнь Суханова в сновидениях. Пер.: Е.Петрова // http://www.e-reading.club/bookreader.php/1019022/Grushina_-_Zhizn_Suhanova_v_snovideniyah.html 10.05.2017

54. Ольга Грушина, Очередь. Пер.: Е.Петрова // http://www.e-reading.club/bookreader.php/1043896/Grushina_-_Ochered.html 10.05.2017

55. Питер Джеймс, Клеймо смерти. Пер.: С.Самуйлов // <http://knijku.ru/books/kleymo-smerti> 10.05.2017

56. Роберт Ладлэм, Ультиматум Борна. Пер.: П.Рубцов // http://www.e-reading.club/bookreader.php/32540/Ladlem_3_U1%27timatum_Vorna.html 10.05.2017

57. Том Клэнси, Охота за «Красным Октябрём». Пер.: И.Почиталин // http://www.e-reading.club/bookreader.php/75932/Klensi_02_Ohota_zh_Krasnym_Oktyabrem_.html 10.05.2017

58. Чарлз Буковски, Голливуд. Пер.: Н.Цыркун // http://www.e-reading.club/bookreader.php/128158/Bukovski_-_Gollivud.html 10.05.2017

59. Чарлз Буковски, Почтамт. Пер.: М.Немцов // http://www.e-reading.club/bookreader.php/69223/Bukovski_-_Pochtamt.html 10.05.2017

60. Чарлз Буковски, Почтовое отделение. Пер.: Ю.Медведько // http://www.e-reading.club/bookreader.php/8929/Bukovski_-_Pochtovoe_otdelenie.html 10.05.2017

61. Чарлз Буковски, Хлеб с ветчиной. Пер.: Ю.Медведько http://www.e-reading.club/bookreader.php/1015732/Bukovski_Charlz_-_Hleb_s_vetchinoy.html 10.05.2017

62. Charles Bukowski, Post Office. Virgin Books. -2009. - 176 p.

63. Charles Bukowski, Hollywood. Canongate Books Ltd. -2010. - 263 p.

64. Charles Bukowski, Ham On Rye. Harper Collins. -2002. - 286 p.

65. James Peter, You Are Dead. Pan Books. -2015. - 1-50 p.

66. Olga Grushin, The Dream Life of Sukhanov // <https://books.google.ru/books?id=NotGTbI6NmMC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> 10.05.2017

67. Olga Grushin, The Line // <http://www.rulit.me/books/the-concert-ticket-published-in-the-usa-as-the-line-download-free-374635.html> 10.05.2017

68. Robert Ludlum, The Bourne Ultimatum. Orion. -2004. - 736 p.

69. Tom Clancy, The Hunt for Red October // http://www.e-reading.club/bookreader.php/1016709/Clancy_-_the_Hunt_for_Red_October.html 10.05.2017

Сокращения.

1. ИЯ - исходный язык.

2. ПЯ - переводящий язык.

3. ИТ - исходный текст.

4. ПТ - переводной текст.

Список сокращений источников языкового материала

1. ВСРО — Charles Bukowski, Post Office. Virgin Books. -2009. - 176 p.

2. ВСН — Charles Bukowski, Hollywood. Canongate Books Ltd. -2010. - 263 p.

3. ВСНН — Charles Bukowski, Ham On Rye. Harper Collins. -2002. - 286 p.

4. ПЯД — James Peter, You Are Dead. Pan Books. -2015. - 1-50 p.

5. GODLS — Olga Grushin, The Dream Life of Sukhanov // <https://books.google.ru/books?id=NotGTbI6NmMC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
10.05.2017

6. GOL — Olga Grushin, The Line // <http://www.rulit.me/books/the-concert-ticket-published-in-the-usa-as-the-line-download-free-374635.html> 10.05.2017

7. LRBU — Robert Ludlum, The Bourne Ultimatum. Orion. -2004. - 736 p.

8. CTHRO — Tom Clancy, The Hunt for Red October // http://www.e-reading.club/bookreader.php/1016709/Clancy_-_the_Hunt_for_Red_October.html
10.05.2017